

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: ГОРОД

А. С. Бреславский

«ГОРОД ОКРАИН» ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ И ЕЕ
(ВОС)ПРОИЗВОДСТВО В ПОСТСОВЕТСКОМ УЛАН-УДЭ

Всем, кто регулярно ездит на улан-удэнских трамваях, хорошо знакома вымученная фраза кондуктора, ежедневно объясняющего пассажирам, куда именно идет, допустим, «двойка», пройдя остановку «Элеватор». Мы слышим: «Трамвай едет через *город* на Новый мост!». И вполне резонный вопрос неместного жителя: «А Элеватор, распложенный в пяти минутах ходьбы от общегородского центра Улан-Удэ, — это разве еще не город?», — скорее всего, вызовет у кондуктора недоумение. Вместе с тем, все, кто хорошо знает историю Улан-Удэ, в общем-то понимают, о чем здесь идет речь. Все дело в особенности восприятия исторического центра Улан-Удэ именно как *города*, а всей остальной его территории – как «негородской», что связано с особенностями советской застройки Улан-Удэ и организации жизни в его *окраинных* районах. Приведенный пример, связанный с отождествлением территории города с зоной его исторического центра, хорошо показывает, как пространственное восприятие Улан-Удэ укоренено в городской истории и как осознанно / или неосознанно оно воспроизводится в нашей повседневной жизни сегодня. Но утверждение стереотипов о пространственной сегрегации, как известно, происходит не только на повседневном, но и на официально-публичном уровне. Улан-Удэ, как будет показано в статье, в этой связи представляет хороший пример.

Как и во многих других российских городах с дореволюционной историей, решительно изменившихся в ходе социалистической застройки, связанной с форсированной модернизацией и урбанизацией, в Улан-Удэ мы можем зафиксировать множественные метаморфозы, связанные с пространственной сегрегацией, с движением и утверждением границ городского центра и его физических окраин.

В данной статье мне хотелось бы решить несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, представить постсоветский Улан-Удэ с точки зрения его пространственной сегрегации, во-вторых, определить исторические основания существующих границ между «центром» города и его «периферией», и, наконец, в-третьих, продемонстрировать, как «исторически обусловленные» границы (вос)производятся и утверждаются сегодня в административном дискурсе. Иными словами, сфокусируем наше внимание на том, как в постсоветском Улан-Удэ были за-

фиксированы реалии его пространственной сегрегации — определены «центр» города и его «периферия», определим, какую политику «номинаций» [см.: 5, с. 125–166] (назначения) проводит местная власть в отношении территорий, образующих сегодня «единое» социальное и культурное пространство — городские окраины.

«Движение» центра и окраин: исторический контекст

Метафора «Город окраин», указанная в названии, по отношению к постсоветскому Улан-Удэ была применена местным историком Сергеем Галдановым, который в своей статье «Город без горожан?» обозначил противоречие между официальным статусом «города» Улан-Удэ и его слабоурбанизированным ландшафтом. Он отмечает: «Словосочетание “город Улан-Удэ” представляется внутренне противоречивым. Крупный административный, политический, экономический, культурный, научный центр, — и одновременно — это “город, состоящий из одних окраин” [...] это город, состоящий из поселков, а теперь уже из деревень и улусов» [7, с. 58-59]. Чтобы понять суть этого противоречия, нужно обратиться к истории города, к тем социально-экономическим и политическим проектам, продуктом которых он в итоге и стал.

Надо сказать, что за почти три с половиной столетия с момента своего основания (1666 г.) Улан-Удэ прошел длительный путь от острожного поселения до достаточно значительного по территории (377 кв.км.) и населению города (около 400 тыс. чел.). В XVII в. он — административный и военный центр Забайкалья. В XVIII-XIX вв. — один из его торговых центров. В 1920 г. — стано-

вится столицей Дальневосточной республики. В 1923 г. — объявлен столицей Бурят-Монгольской АССР. С 1958 г. — столицей Бурятской АССР, с 1992 г. — столицей Республики Бурятия.

Построенный казаками в качестве опорного пункта продвигающейся в Сибирь царской России, Верхнеудинский острог (впоследствии Верхнеудинск, а с 1934 г. — Улан-Удэ) расположился на возвышенности у места слияния двух рек — Уды и Селенги. Деревянная крепость острога была сооружена в 1680-е гг. на возвышенности правого берега р. Уда — «Батарейной горе» и просуществовала до конца XVIII в. [13, с. 29-30]. Вслед за сооружением острога ниже его, на плоской прибрежной террасе Уды, постепенно разрастается казачье поселение — Посад. Именно этой территории «большого города» [13, . 28] и предстояло стать общегородским

центром и пробыть таковым в течение двух последующих столетий. Дальнейшая застройка города производилась стихийно в северном, западном и в южном направлении.

В качестве военно-опорного пункта Удинский острог быстро утратил свое значение. Укрепление добрососедских и взаимовыгодных отношений с Китаем и Монголией в XVIII в. привело к тому, что острожные функции города (в первую очередь — защита, оборона) окончательно отошли на второй план. Последующее развитие Удинска, исполнение им роли многофункционального центра Забайкалья оказалось возможным благодаря его выгодному транспортному положению и в связи с установлением в середине XVIII века Кяхтинской торговли. В XVIII-XIX вв. через город неизменно проходил большой поток товарного транспорта из Кяхты в Иркутск. Через Верхнеудинск проходил также путь в Восточную Даурию, официальный Московский почтовый тракт, а в конце XIX века была проложена и Великая Транссибирская магистраль. В этом смысле «особое значение для исторических судеб Верхнеудинска имело то обстоятельство, что, несмотря на изменение способов передвижения и направления торговых связей, свое значение узла транспортных путей он сохранял неизменно» [13, с. 84-88].

С 1768 года в Верхнеудинске стала проводиться ежегодная ярмарка [10, с. 32-33, 52-54]. По размерам торговых оборотов она занимала первое место в Забайкалье. Местом ее проведения постепенно стала центральная (Базарная, Гостинодворская) площадь «большого города» с расположенными на ней Гостинодворскими рядами, которые вначале были деревянными, а впоследствии были выстроены из камня.

Изменение исторической роли Верхнеудинска (от военной крепости — к торгово-перевалочному центру) повлекло существенные преобразования в его морфологии — центр города с «Батарейной горы» постепенно переместился на Гостинодворскую площадь (сегодня — площадь Революции). Ее пространство формировали новые места — каменный Гостиный двор (Гостиные ряды) и несколько купеческих домов, расположенных в непосредственной близости. Новый символический центр, архитектурно сложившийся к 30-м годам XIX века, зафиксировал и новую идентичность всего города — торговую. Вместе с тем, у той же Гостинодворской площади были выстроены и административные здания местной власти (Верхнеудинская городская управа, Верхнеудинское окружное управление, почта и пр.), образовательные и культурные учреждения. В связи с этим можно говорить о том, что в реструктуризации городского пространства значительную роль сыграл административный аппарат: формирование центра происходило по проекту городской власти, хотя и было инициировано «снизу» (в первую очередь — купцами, обладающими значительным финансовым капиталом). Представители административной и экономической элиты города свои личные дома также предпочитали строить в непосредственной близости к новому центру [10, с. 29-30]. В итоге, Гостинодворская площадь стала, используя язык П. Бурдые [см., например: 6, с. 33-52], местом, в котором сконцентрировались позитивные полюса всех полей социального простран-

ва Верхнеудинска (административного, экономического, культурного и пр.). И большинство из тех, кто занимал лидирующие позиции в соответствующих сферах общественной жизни, также стремились «закрепиться» именно в этой его части.

При этом сам посад, возникший, как мы отмечали, в конце XVII века на плоской прибрежной террасе Уды, продолжал разрастаться. К 1810 году Верхнеудинск состоял из 19 улиц и был разделен на Заудинское предместье (левый берег Уды), собственно «город» (или Посад — «большой город» в излучине между Удой и Селенгой) и предместье за р. Селенга — слобода Поселье [23, с. 80–81]. Количество жилых зданий в течение XIX в. постоянно увеличивалось, причем не за счет расширения зоны строительства, а преимущественно за счет уплотнительной застройки Посада. По-видимому, территория в естественных границах нижней приречной террасы еще как-то удовлетворяла потребности города» [13, с. 52].

Вплоть до начала XX века границы Верхнеудинска практически не менялись. К концу XIX века нижние приречные территории по обе стороны Уды были застроены, причем достаточно уплотненно. В меньшей степени осваивались территории на севере города, включая левый берег Селенги. Ситуация изменилась, когда началось строительство верхнеудинского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Начиная с 1900 года, когда было открыто паровозное депо, город приобрел значение важного железнодорожного узла Западного Забайкалья. К «дороге» были направлены сотни рабочих и служащих из крупных городов европейской части России; началось освоение не только нагорной части города (ныне — территории вблизи пл. Советов —

доминирующий центр Улан-Удэ), но и северной, прилегающей к Иркутскому тракту и р. Селенга. С начала 1900-х гг. земли между городом и железной дорогой быстро застраиваются. Вместе с появлением по обе ее стороны ведомственных зданий расширяются кварталы частных жилых домов. Произошедшие изменения дифференцировали и укрепили торгово-экономические функции Улан-Удэ, благодаря чему он продолжал расти. При этом промышленность в городе была все еще слабо развитой, а сам город — относительно бедным.

С установлением советской власти в морфологии города происходят знаковые преобразования. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, Верхнеудинск, сохранив при этом свое «традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров», превращается в «главный очаг новой национальной культуры» [13, с. 86–87]. С момента образования БМАССР на территории города начали работу республиканские политические, админист-

ративные, общественные и хозяйственные объединения. В результате в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «жилые» границы города расширяются, в особенности на северо-востоке и в южной части, за Удой; производится застройка по линии железной дороги, заселяются сохранившиеся пустыри на «Батарейке».

Меняются границы общегородского центра. Значимым в этом смысле является 7 ноября 1926 года: в этот день в нагорной части был установлен «Памятник борцам за коммунизм». «Этим актом символического значения была сделана попытка перенесения Центра [...] из традиционной части города на возвышенность, расположенную над ней [...] Таким образом, центральная улица Ленина, соединяющая прежний [...] и вновь образованный центр, приобретает новый символический смысл [...] Хотя новый центр (площадь Советов — прим. авт.)

уже формировался, еще некоторое время местом проведения центральных общественно значимых ритуалов (митинги, демонстрации, советские праздники) оставалась Гостинодворская площадь» [19, с. 109–124; см. также: 20, с. 75; 13, с. 90]. Центральная зона дореволюционной застройки несмотря на то, что «генплан не ставил задачи сохранения исторического своеобразия архитектуры города» [13, с. 138], была сохранена в течение всего советского периода истории города.

В 1930-ые годы в городе развернулась крупная индустриальная стройка, в ходе которой было образовано несколько промышленных районов. В 1934 году начал свою работу паровозоремонтный завод (центральный район), вместо старого стекольного был построен механизированный стекольный завод (северо-западный район). В 1937 году были сданы в эксплуатацию основные производственные цеха мясоконсервного комбината (юго-восточный район), с 1938 года началось сооружение авиационного завода (восточный район) [13, с. 98–104]. Уже после Великой Отечественной войны были открыты суконная фабрика (1946), фабрика первичной обработки шерсти (1963), небольшие предприятия «Механлит», мотороремонтный завод превратились в крупные заводы «Электромашина» и «Теплоприбор».

В 1938 г. произошло, по сути, первое в истории Улан-Удэ административное разделение города. Постановлением Президиума ВЦИК образованы Городской, Железнодорожный и Пригородный районы. За счет разукрупнения Городского и Железнодорожного районов в 1945 году был образован еще и Заводской район, который ликвидировали уже в 1948 г., включив его территорию в состав Железнодорожного. В 1957 году Городской район переименовали в Советский, а Пригородный — в Октябрьский. С этого времени наименования трех городских районов (Железнодорожный, Октябрьский, Советский) не изменялись. К концу 1950-х гг. социальное пространство Улан-Удэ представляло собой совокупность рабочих поселков про-

мышленных предприятий (Стеклозавод, ЛВРЗ, Авиазавод) и «слободок» (Батарейка, Зауда, Шишковка, Аршан) [14, с. 95]. В город прибывало все больше новых жителей, уровень освоения пригородных территорий был крайне высок (в сравнении с доиндустриальным периодом). Расширение окраинных территорий происходило, таким образом, преимущественно за счет промышленного строительства, в том числе создания жилых поселков — заводских спутников. Границы городской черты расширялись дважды: в 1934 и 1939 году. В первый раз расширение произошло за счет включения территорий левобережья Уды, во второй — за счет территории правого берега с авиационным заводом и поселком Верхняя Березовка [13, с. 238]. При этом значительные территории между новыми перифериями и общегородским центром до начала 1960-х были слабо застроены, поскольку промышленные предприятия строили исключительно в своих поселках, а у городских властей средств было недостаточно [13, с. 150]. В связи с этим общая городская панорама долгое время оставалась крайне фрагментированной. Важно отметить, что возникновение крупных внутригородских точек промышленного роста не привело при этом к смещению символического центра города на территории заводских окраин.

При этом с началом индустриализации и массовым наплывом мигрантов из Центральной России и (в меньшей степени) сельских территорий республики в городе обозначился кризис жилья, с которым не удавалось справиться в течение всего советского периода. Приоритет промышленной застройки, недостаток строительных материалов на несколько десятилетий предопределили характер жилой архитектуры: основным способом разрешения жилищных проблем до 1960-х годов было одноэтажное строительство деревянных домов усадебного типа. Строительство осуществлялось как в соответствии с Генпланом, так и самовольно [13, с. 155]. Несмотря на то, что массовое индустриальное строительство сопровождалось все увеличивающимся плановым жилищным строительством, жилья, мест для размещения прибывающих рабочих и специалистов не хватало [26, с. 4]. Очереди на предоставляемое государством жилье не уменьшались даже в периоды массовых многоэтажныхстроек в 1960-х годы и в позднесоветский период. Реакцией на острый кризис жилья уже с 1930-х гг. становится массовое нерегулируемое возведение вблизи индустриальных предприятий, в рабочих поселках, на окраинах города одноэтажных индивидуальных деревянных домов, времянок, бараков и т.п. В них одни из горожан жили и надеялись получить от государства благоустроенное жилье, другие — старались обустроить быт на долгосрочную перспективу. В итоге к началу 1990-х годов не менее трети территории Улан-Удэ — республиканской столицы — имело «растрепанный», аморфный, бесструктурный, часто «сельский» облик.

Ко времени Перестройки также стало ясно: «поселковый», нацеленный на автономность, стиль застройки в 1990-ые годы станет «бедой» местных сообществ. Переход к рынку городские окраины переживали, как представляется, более болезненно, нежели центр. Кризис в сфере общественного потребления, деградация социальной, культурной и бытовой инфра-

структуры при Заводах в рабочих поселках — все это толкало местные сообщества к скорейшему поиску стратегий интеграции в Город (центр).

Городские окраины в административном дискурсе и дискурсе СМИ

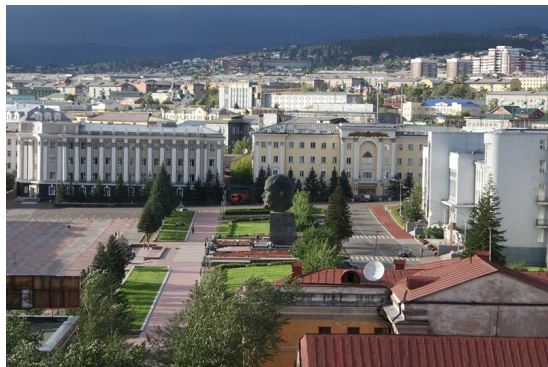
Каким же образом городские окраины, а вместе с ними и центр Улан-Удэ, представлены в современном административном дискурсе? Каким образом пространственная сегрегация утверждается в официальных текстах города? Ответить на эти вопросы позволяет анализ административных источников, связанных с текущим и перспективным развитием Улан-Удэ (в статье использованы, в частности, устав, генплан, стратегия развития Улан-Удэ до 2027 года, материалы официального сайта города).

Итак, по Уставу город Улан-Удэ как муниципальное образование состоит из трех административных районов: Железнодорожного, Октябрьского и Советского (подобное разделение существует с 1957 года). Первый включает в себя северный берег реки Уда (136 тыс. жителей), второй — южный берег реки Уда (171,5 тыс. жителей), третий — левый берег реки Селенга, историческую часть и «периферийные» районы на северо-западе (48 тыс. жителей) [22].

Советский район с момента своего образования получил статус «центрального» (до 1957 г. — Городской). И сегодня его положение в качестве многофункционального центра города определяется преимущественно историческими предпосылками. Указание на это можно найти, к примеру, в недавно опубликованном проекте стратегии развития города до 2027 г. [22]. «Фрагментарность (территориального — прим. авт.) плана сочетается с доминированием одного общегородского центра — исторической части города с концентрацией в ней исторических и архитектурных памятников, музеев, административных и деловых функций. Помимо этих характеристик, этот район города обладает наибольшей связностью и удобной транспортной доступностью. Эти качества являются как следствием геометрически центрального размещения в городе (с учетом отдаленных районов), так и пересечения здесь общегородских магистралей» [12].

Утверждение «Советский район — праматерь столицы» сегодня натурализовано [9, с. 290–291] — выглядит естественным и не вызывает каких-либо возражений как в бытовом, так и в публичном дискурсе. Городская администрация характеризует его как «город внутри города»: «Это уникальный район – административный, деловой, исторический, культурный центр города, своеобразная модельная территория» [11, с. 5]. Особый статус района выводится при этом из истории его формирования и развития: «Не надо забывать, что именно с этого района и пошло развитие столицы республики» [2, с. 13]. Советский район СМИ называют «лицом столицы», «культурной и торговой Меккой города»: «Тысячи улан-удэнских семей выбирают своим местом проживания Советский район. Для многих поколений улан-удэнцев жить в цен-

тре, значит быть в центре всей жизни. С детства родные взору пейзажи Советского района сегодня заиграли современными красками. И это неудивительно, ведь быть «визитной карточкой» столицы обязывает ко многому» [1].

Сохранившиеся преимущественно в Советском районе «исторические кварталы обладают достаточно высоким качеством архитектурных решений, являются основной ценностью существующей сегодня застройки города» [22]. Здесь важно отметить, что именно Советский район является как в советские годы, так и в настоящее время главным «местом» в презентации всего города [17, с. 27–83]. Большая часть памятников архитектуры дореволюционного Верхнеудинска [18, с. 53–57], сохранившихся в Улан-Удэ, а также наиболее (символически) значимые памятники советской эпохи расположены именно в Советском районе, точнее, в его центре (историческом центре города).

Между тем, становление «рынка» в 1990-х годах теоретически могло привести к обесцениванию символического капитала «советского» центра города. В Улан-Удэ потенциально могли возникнуть новые центры притяжения экономического, культурного, социального и прочих капиталов. Однако этого не произошло: развитие города пошло по инерции – от прежнего центра к периферии. Очевидная причина этого — городские окраины в большей степени, нежели сложившийся в советские годы центр, утратили роль социального интегратора и стали «дичать». В этих условиях концентрация капиталов различного рода в центре Советского района (центре Улан-Удэ) не могла не усилиться. Возник так называемый эффект «сжатия города» [25, с. 295–307]. На фоне всеобщей социальной деградации символический капитал административного и исторического центра позволил Советскому району сохранить позицию лидера, что отразилось и на приоритетах развития внутригородских территорий: два других административных района города отошли на вторые позиции. Действительно, с символических позиций «центр — периферия», Железнодорожный и Октябрьский районы сегодня существенно проигрывают Советскому (что в целом было характерно и для советских лет). При этом в городском сообществе это обстоятельство принимается в основном как само собой разумеющееся.

Железнодорожный район в административном дискурсе более всего соотносится с образом «промышленной» территории. Это представление также опирается на исторические основания и реалии его ландшафта: район был сформирован во многом благодаря строительству паровозоремонтного (локомотивовагоноремонтного) завода (1932 г.) и окружающего его соцгородка. При этом он более, чем другие, воплощает в себе результаты «рыночно неэффективной» советской застройки, в частности, «характеризуется низкой плотностью самой застройки,

как жилой, так и производственной, гипертрофированной долей промышленных предприятий, фрагментарной и пространственно дисперсной освоенной территорией и пр.» [22]. Очевидный центр Железнодорожного района образуют, на «современный» взгляд, территории у крупного торгового центра «Саган Морин» и кинотеатра «Октябрь» с их развитой торгово-деловой инфраструктурой. Здесь же расположена администрация района. Особенность такого размещения районного центра проявляется в том, что он оказывается в смежном положении с общегородским административно-культурным центром (совсем рядом находится площадь Советов). При этом в «столкновении» центров «Железнодорожный» значительно проигрывает «Советскому», т.к. последний считается еще и «общегородским».

Октябрьский район города — «спальный» — преимущественно жилая территория с преобладанием многоэтажной застройки [8]. При реализации муниципальных планов по массовой застройке новых жилых микрорайонов доля населения города, сосредоточенная здесь, увеличится с 45 до 55-60% [8]. Однако здесь функционирует и несколько крупных промышленных предприятий. При этом территория и масштабы местных производств все-таки не соотносятся с соответствующими предприятиями Железнодорожного района. Октябрьский район также имеет явный центр — благоустроенная остановка «Саяны» с двумя значимыми объектами — новым зданием Государственного русского драматического театра им. Н. Бестужева и опять же районной администрацией. Здесь же неподалеку от остановки «недавно появилось самое высокое в городе жилое здание — шестнадцатизэтажная “Солнечная башня”. Центром культурного притяжения в районе, особенно в летний период, можно назвать и парк Юбилейный [4].

Официальная политика номинаций, то есть политика назначения (приписывания характеристики) окраин в трех городских районах Улан-Удэ выстраивается по единой схеме. В административном дискурсе ее результат имеет следующее наименование — «отдаленные микрорайоны». Так, Советский район города сформирован из следующих частей: Центральная часть, микрорайоны Заречный, Вагжанова, Батарейка, Левый берег, поселки Стеклозавод, Исток, Солдатский, Аэропорт, Сокол, Тулунжа и село Степное [15]. В состав Железнодорожного района входят микрорайоны Шишковка, Лысая гора, Аршан, Орешково, Загорск, Верхняя Березовка, 502 км., Зеленхоз, Матросово, Площадка, Гавань, Зеленый, Солнечный. На территории Октябрьского района расположено 12 отдаленных микрорайонов: п. Забайкальский, микрорайоны Новая Комушка, Горького, Южный, Тальцы, Таежный, Энергетик, Никольский, Светлый, Медведчиково, Сосновый бор, Звездный. Таким образом, в городе в постсоветский период было образовано 32 отдаленных микрорайона [16]. При этом, правда, до сих пор не определен правовой статус этих территорий, не определены их отличительные черты. Категория «отдаленные микрорайоны», очевидно, была выделена в рамках политико-административного дискурса, в речи политиков и чиновников. Сегодня она приобретает устойчивые институцио-

нальные формы — в районных администрациях созданы Управления по работе с отдаленными микрорайонами [см., напр.: 24]. Между тем, многие из этих территорий имеют названия, которые документально не зафиксированы, но узнаваемы в рамках повседневного дискурса: «... согласно акту 1997 года о застройке города, в котором сказано, что в Октябрьском районе официально числится только поселок Забайкальский, никаких других поселков — Силикатного, Жданова, Южного, Таежного — нет. Все эти названия считаются простонародными» [12].

Среди всех отдаленных микрорайонов города микрорайон Загорск и поселок Сокол являются «периферийными городскими поселениями, расположенными вне собственно города Улан-Удэ, но входящие в одноименное муниципальное образование» [22]. К слову, оба поселения стратегически важны для города, т.к. первое является спутником аэропорта (ключевого транспортного узла предполагающейся «Байкальской туристической зоны»), а второе функционирует в основном за счет улан-удэнского авиазавода, который существенно определяет наполнение городского и республиканского бюджета.

Границы социального пространства города помимо периферийных городских поселений формируют «периферийные сельские поселения» [22] — пригород, застроенный садоводческими участками, а также «самостроем» («нахаловками»). Здесь важно отметить, что сегодня и в исторической части города, в общегородском центре, можно встретить участки улиц из деревянных домов малоэтажной застройки, многие из которых находятся в аварийном состоянии. Рост города за счет обширных пригородных территорий осуществлялся в течение всего XX века без существенной и целенаправленной реконструкции старых кварталов. Наглядные результаты этого — повсюду. В подобных условиях «деревенскими» окраинами вполне можно назвать не только физические границы Улан-Удэ, но и территории в центре.

В целом, в административном дискурсе, что зафиксировано в официальных документах, городская пространственная структура включает: 1) доминирующую центральную часть; 2) «ядро» города (основная застроенная часть по обеим сторонам реки Уда); 3) «периферийные районы» (более удаленные от центра части — поселки, микрорайоны, входящие в МО «городской округ Улан-Удэ» — Солдатский, Сокол и пр.) Надо сказать, все в том же тексте «Стратегии социально-экономического развития города до 2027 г.» указывается, что и в «периферийных» районах — вне исторической части города — созданы некоторые предпосылки для формирования «новых центров городской активности» [22]. К ним отнесены территории вокруг возможных мест концентрации занятости (аэропорт, авиазавод, оптовый рынок по улице Борсоева), транспортные узлы (железнодорожный вокзал, автовокзал), религиозные центры (в первую очередь, буддийские и православные). В список включены крупные образовательные учреждения (ВУЗы) и зоны отдыха, расположенные в районах города, к примеру, парки «Юбилейный» в Октябрьском районе и им. Орешкова в Железнодорожном, которые обладают существенными территориальными и рекреационными ресурсами.

Появление в районах города новых центров, альтернативных историческому, вполне возможно и в известной мере необходимо. Это, во-первых, снизило бы «нагрузку» на исторический центр (особенно площадь Советов и «Арбат»), а во-вторых, предоставило бы жителям территорий, физически отдаленных от Центра, возможность организации культурно-досуговой деятельности в своем микрорайоне. В советское время такими «культурными центрами притяжения» были танцплощадка Русского театра драмы (1940-1950-ые гг.), танцплощадка Городского Сада («Горсада»), ДК «Строитель» (1960-1970-ые гг.) и пр. [14, с. 98].

Пока же в целом отмечается, что городские окраины («периферийные районы») не однородны по отношению друг к другу, особенно — в сравнении с центральной частью. Опросы общественного мнения, проведенные в начале 2000-х годов и использованные мэрией при разработке Стратегии развития города, зафиксировали следующие представления жителей Улан-Удэ о характеристиках социальной и культурной среды городских окраин [см.: 21, с. 172–173].

Наиболее безопасная, комфортная и гармоничная среда проживания сложилась в «Центре города» и некоторых микрорайонах Октябрьского района («Квартала», Саяны, Тонко-суконный комбинат, Энергетик), наименее благоприятная — в Железнодорожном (в особенности в микрорайоне ЛВРЗ (ПВЗ) и Шишковке). При этом дискомфортные «точки» проявились и на территории Советского района, причем не в столь удаленных (географически) территориях — «Батарейке» и «Стеколке». Все это свидетельствует о том, что «окраинность» как социальная и культурная характеристика не соотносится в городе только лишь с физической периферией. Она возникает там, где проявляется недостаточность «общественных благ» и концентрация маргиналов. В этом смысле искусственное заключение «отдаленных» микрорайонов в категорию «периферия» (при наличии «реальных окраин» в черте города) представляется излишним.

В сущности, практики номинации (определение части районов как удаленных, отдаленных), первоначально оформившиеся в разговорах чиновников, политиков, простых граждан, со временем стали «осадочными» в политико-административных институтах. Однако это подчеркнуло и зафиксировало не столько особое внимание к этим территориям, сколько их исключенное положение, которое с трудом преодолевается до сих пор. При этом важно отметить, что мэрия сегодня стала все более внимательно относиться к городским окраинам. В последние годы проблемы «отдаленных», а по сути нецентральных территорий, вошли «в повестку дня» и решались мэрией по возможности системно. Между тем, дистанция между Центром и «удаленными» микрорайонами оказывается все же символически длиннее физического расстояния между ними. Основания этого противоречия не в последнюю очередь заключены в

натурализации представлений местного сообщества о пространственной сегрегации города. В них одни из городских территорий «исторически» являются городом, а другие — нет. В отношении отдаленных микрорайонов хочется напоследок сказать: политика номинаций такого рода, возможно, и была оправданной в начале 1990-х гг., когда необходимо было целенаправленно работать с конкретными территориями на «периферии». Сегодня же представляется важным отказаться от такой сегрегации, начать «стирать границы» между «городскими» и «не-городскими» микрорайонами, по крайней мере, внутри административных районов, делая пространство Улан-Удэ более целостным. Это соответствует современным задачам комплексного развития внутригородских территорий. Это важно во многом и потому, что формирование в местных сообществах общегородской идентичности, чувства причастности к единому Городу позволит сделать жизнь в нем более гармоничной как в символическом, так и в утилитарном смысле.

Список литературы и источников

1. Административный, деловой и культурный — Советский район [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mou-ulan-ude.ru/> (11.05. 2009).
2. Айдаев Г. Советский район — праматерь столицы // Советский район: годы и люди. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — С. 13–16.
3. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д. Д. Амоголонова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. — 292 с.
4. Борходоева Е. Центр отдыха переедет в кварталы // Информ полис. 10 апреля 2002 г.
5. Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 125–166.
6. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 33–52.
7. Галданов С. Город без горожан? // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / Отв. ред. М.Я. Рожанский. — Иркутск, 2002. — С. 58–59.
8. Генеральный план [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/today/gradostr-politika/gen-plan/> (12.12.2009).
9. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филипс. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. — С. 290–291.

10. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII – начало XX). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — 114 с.
11. Козлов А. Качество жизни как практическая задача // Советский район: годы и люди. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — С. 5–12.
12. Матвеева А. Готовьте деньги // Номер один. 6 апреля 2005 г.
13. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. — 248 с.
14. Митупов К. Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К. Б.-М. [и др.] — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 94–105.
15. Паспорт Советского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/passport/> (12.05. 2011).
16. Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 23 октября 2008 г. № 525 об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие отдаленных микрорайонов, входящих в городской округ "город Улан-Удэ", на период 2008-2011 гг.» // СПС «Гарант».
17. Серебрякова Р. А. Улан-Удэ. Путеводитель. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 146 с.
18. Скопинцева Е. Верхнеудинск в Улан-Удэ // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. — Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2002. — С. 53–57.
19. Скрынникова Т. Д. «Молодеет моя столица — процветает Улан-Удэ» / Т.Д. Скрынникова // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период): Кол. моногр. / Сост. Т. Д. Скрынникова. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — С. 109–124.
20. Скрынникова Т. Д. Улан-Удэ — советская столица национальной республики / Т.Д. Скрынникова // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.]. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — С. 71–84.
21. Стратегия развития города Улан-Удэ: Материалы научно-практической конференции. – Часть 1. — Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2005. — С. 172–173.
22. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).
23. Улан-Удэ: история и современность / Сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — 480 с.

24. Управление по работе с отдаленными микрорайонами Советского района Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/upr_otdal_mikro/ (12.05.2009).
25. Шманкевич Т. «Сжимающийся» город — новая сегрегация / Т. Шманкевич // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / Под ред. В. И. Дятлова, С. А. Панарина, М. Я. Рожанского. — М. – Иркутск: Наталис, 2005. — С. 295–307.
26. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiev. — London: The White Horse Press, 2000. — 121 p.

М. И. Найдорф

ОДЕССА. ГЛАВНАЯ УЛИЦА ГОРОДА

Осторожный автор любительской сетевой энциклопедии назвал Дерибасовскую «одной из центральных улиц Одессы» [3]. Формально он прав: не существует документа о присвоении этой улице на все времена особого статуса главной или центральной, хотя, традиция такая есть, и в отсутствие формальных оснований можно было бы апеллировать к общепринятому. Но, видимо, исторически сложившееся исключительное значение Дерибасовской для Одессы показалось автору не очевидным или, по крайней мере, не общеочевидным. Сомнение, следовательно, добралось до символа, в развенчании которого вроде бы никто не заинтересован.

В 1930-е годы Владимир (Зеев) Жаботинский в романе «Пятеро» восторженно назвал Дерибасовскую «королевой всех улиц мира сего», оговорившись, впрочем, что «такие вещи доводами не доказываются». Напомню этот отрывок: «Это произошло на Дерибасовской, года через два после начала нашего рассказа. Редакция наша находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади; и, по дороге туда, ежедневно я проходил то всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. Почему королевы, доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника. Но такие вещи доводами не доказываются; *всякий титул есть мираж* (курсив мой — М.Н.), и раз он прилип и держится не отклеиваясь, значит — носитель достоин титула, и баста. Я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской, как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук; уверен, что не я один» [4].